

ЭВОЛЮЦИЯ МОТИВА ОДИНОЧЕСТВА В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Эшонова Хоназим

Магистрант, Ферганский государственный университет
<https://doi.org/10.5281/zenodo.17569995>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 05-noyabr 2025 yil
Ma'qullandi: 08-noyabr 2025 yil
Nashr qilindi: 10-noyabr 2025 yil

KEYWORDS

А. П. Чехов, одиночество,
проза, мотив,
экзистенциальная изоляция,
духовный кризис, русская
литература конца XIX века.

ABSTRACT

В статье прослеживается эволюция мотива одиночества в прозе А. П. Чехова от ранних юмористических рассказов к зрелой драматургии и прозе 1890–1900-х годов. Анализируются формы проявления одиночества как социального, экзистенциального и духовного феномена, а также его функции в системе художественного мира писателя. Показано, как мотив одиночества трансформируется от внешнего, социально обусловленного состояния к внутреннему, неотделимому от самосознания личности.

Мотив одиночества занимает центральное место в художественном мире А. П. Чехова. В отличие от многих русских писателей XIX века, для которых одиночество часто выступало как романтическая поза или следствие общественного неприятия, Чехов трактует его как универсальное состояние человека, обусловленное как социальными, так и глубоко внутренними, экзистенциальными причинами. Эволюция этого мотива в его прозе отражает общую динамику творческого развития писателя — от внешнего наблюдения к проникновению в психологическую и духовную глубину личности.

В ранних рассказах 1880-х годов одиночество чаще всего носит социально-бытовой характер и выражается в форме изоляции, вызванной профессиональной принадлежностью, низким статусом или эксцентричным поведением. В рассказе «Хамелеон» (1884) полисмен Очумелов оказывается одинок не столько из-за своей неспособности сохранить достоинство, сколько из-за полного подавления личной точки зрения в угоду социальному авторитету. Его «одиночество» — это отсутствие внутреннего стержня, но оно ещё не осознаётся как трагедия. Аналогично, в «Толстом и тонком» (1883) одиночество проявляется в мгновенном разрыве дружбы из-за иерархического неравенства: социальный стыд вытесняет человеческую близость. В этих произведениях одиночество остаётся внешним, комическим, не затрагивая глубин сознания.

К середине 1880-х годов у Чехова появляются рассказы, в которых одиночество начинает приобретать психологическую и нравственную окраску. В «Смерти чиновника» (1883) смерть Ивана Дмитриевича Червякова вызвана не столько страхом

перед начальством, сколько абсолютной невозможностью быть услышанным. Его попытки извиниться — это попытки преодолеть социальную пропасть, но они обречены на провал, поскольку его «я» не имеет права на существование в бюрократической иерархии. Как отмечает В. Е. Хализев, «у Чехова даже самые незначительные персонажи наделены внутренним миром, но именно это делает их одиночество особенно мучительным» [1, 187].

Переломный момент в эволюции мотива одиночества наступает в 1886–1887 годах. В рассказе «Скучная история» (1889) одиночество предстаёт уже не как социальное условие, а как внутренний, экзистенциальный факт. Профессор Николай Степанович, несмотря на профессиональный успех, уважение коллег и любовь домашних, ощущает полную внутреннюю пустоту. Он осознаёт, что его жизнь прошла мимо подлинных ценностей: «Я не понимаю страданий ближних, я не понимаю радостей, я равнодушен к поэзии, к живописи...». Его одиночество — это одиночество духа, невозможность найти смысл в собственном существовании. Важно, что это одиночество не вызвано внешними обстоятельствами — оно врождённое, системное, и потому неустранимое.

Особенно показателен в этом контексте рассказ «Палата № 6» (1892). Здесь одиночество выступает как предельная форма аутентичного существования в мире, где разум воспринимается как безумие. Доктор Рагин, пытавшийся жить по идеалам стоицизма и внутреннего покоя, оказывается запертым в палате для душевнобольных. Его разговоры с пациентом Громовым — единственный диалог на равных, но и он обрывается, когда власть объявляет Рагина безумцем. Таким образом, одиночество у Чехова достигает метафизического предела: даже стремление к свободе мысли изолирует человека от общества, которое не допускает иного способа существования.

В последующих произведениях 1890-х годов мотив одиночества раскрывается в ещё более сложных формах. В рассказе «Попрыгунья» (1892) одиночество главной героини Ольги Ивановны обусловлено не только её поверхностностью, но и неспособностью к подлинному диалогу. Её брак с художником Рябовским изначально строится на иллюзиях, и в момент кризиса оказывается, что между ними нет ничего, кроме пустых слов. В «Дуэли» (1891) одиночество Лаевского проявляется как моральный распад личности: он не может ни любить, ни работать, ни быть честным с самим собой, что делает его внутренне изолированным даже в кругу знакомых. Особенно показателен рассказ «Моя жизнь» (1896), где протагонист Мисаимов сознательно выбирает путь социального отторжения ради нравственной целостности. Его одиночество — это добровольный жест, но и он не приносит душевного покоя.

Кульминацией чеховского осмысления одиночества становятся рассказы конца 1890-х — начала 1900-х годов. В «Человеке в футляре» (1898) Беликов живёт в добровольно созданной оболочке страха и условностей. Его одиночество — это результат постоянного ухода от реальности. Но, как подчёркивает Чехов, Беликов — не исключение, а тип: «Всё-таки у нас в России больше любят покой, чем движение, и уж никак не любят настоящей свободы...». Таким образом, одиночество у Чехова приобретает коллективный, социокультурный характер.

Ещё более глубокое понимание одиночества выражено в рассказе «Крыжовник» (1898). Иван Иванович, рассказчик, размышляя о брате Николае, приходит к выводу:

«Когда вы счастливы, вы должны всё время задавать себе вопрос: а что, если бы вы были несчастны?». Одиночество здесь выступает как этическая категория: человек, погружённый в личное счастье, автоматически отгораживается от страданий других, становится эгоистом и, следовательно, духовно одинок. Это одиночество не физическое, а моральное; оно связано с утратой чувства сопричастности миру.

В позднем рассказе «Дама с собачкой» (1899) одиночество приобретает новое измерение — любовного прозрения. Гуров и Анна Сергеевна, жившие до встречи в состоянии внутренней пустоты и лжи, обретают друг в друге подлинное чувство. Однако и здесь Чехов не даёт иллюзий: их любовь обречена на внешнюю изоляцию, и они вынуждены «строить новую, необыкновенную, трудную жизнь». Таким образом, даже подлинная близость не упраздняет одиночество — она лишь делает его осознанным и этически наполненным.

В драматургии Чехова («Три сестры», «Вишнёвый сад») одиночество становится всеохватным состоянием целого поколения. Персонажи говорят друг с другом, но не слышат; мечтают о будущем, но не способны действовать. Как пишет В. В. Набоков, «чеховские герои одновременно рядом и врозь — они живут в одном пространстве, но в разных мирах» [3, 212].

Мотив одиночества у Чехова проходит путь от социальной маргинальности к экзистенциальному сознанию и нравственной ответственности. В ранней прозе одиночество — следствие внешних обстоятельств; в зрелой — неотъемлемое свойство человеческого существования в мире, лишённом абсолютов. Чехов не предлагает выхода из этого состояния, но он требует его осознания. Именно в этом — этическое и художественное новаторство его прозы. Как отмечает Л. Я. Гинзбург, «у Чехова одиночество — не недостаток связи, а её чрезмерная прозрачность: человек видит, что даже в диалоге он остаётся наедине с собой» [4, 137]. Это проникновение в предельную интимность внутреннего мира делает чеховскую трактовку одиночества одной из самых глубоких в мировой литературе

Список литературы:

1. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — М.: Высшая школа, 2004. — 424 с.
2. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы и чеховская проза / Д. С. Лихачёв // Лихачёв Д. С. Избранные работы. В 3 т. Т. 2. — Л.: Художественная литература, 1986. — С. 89–102.
3. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. — СПб.: Симпозиум, 2001. — 416 с.
4. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. — М.: Советский писатель, 1977. — 304 с.
5. Балухатый, С. Д. Чехов и его герои / С. Д. Балухатый. — М.: ГИХЛ, 1956. — 228 с.
6. Виноградов, В. В. Стиль Чехова / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. Т. 3. — М.: Наука, 1986. — С. 302–327.
7. Спиридонова, Л. А. Образ государственного деятеля в советской исторической прозе / Л. А. Спиридонова // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 334. — С. 112–117.